

8412Рос = Рус) 6 КР

Ш 16

Зоя Шадрина

На грани
ВЕКОВ

ЧАСТЬ - 2

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

12.01.83

3.05.82

На грани веков

*Два века-айсберга в безбрежье мироздания,
Круша всё сущее, соединили грани.
И гибнет мир живой без дум и покаянья,
Низвергнув трон царей, сойдясь на поле брани.
Но вечно в Женщине живут Любви страданья.
Любить! Желанной быть! – война не отменила,
И убеждают нас старинные преданья:
Сильна ЛЮБОВЬЮ жизнь, что Женщина продлила.*

Серафима Кузьминична Ирюпина прожила долго, она словно доживала век тех, кого любила и кто так рано оставил её. Сухая, мосластая старуха не пользовалась тростью, хотя годы и согнули её слегка. Она плохо различала своих возмужавших и заматеревших внуков, только Катюшу узнавала по белой пряди в тёмных волосах да по той неповторимой грации движений, что достались ей от матушки её Авдотьи.

Сима умерла так же тихо и спокойно, не намучившись и не обеспокоив своих родных, как и муж её, Тимофей Матвеевич Ирюпин. Она просто не проснулась однажды утром. В старом доме Ирюпиных жили Мирон с Ульяной, Авдей и Серафима.

Первой забеспокоилась Ульяна. Сима никогда не спала так долго утром, зачастую встречала солнышко на открытой веранде, любила петушиную утреннюю побудку, любила наблюдать, как просыпается всё живое с утренним рассветом. Ульянка, любившая поспать ранним утром, удивлялась старой женщине и не понимала её. Серафима Ирюпина прошла с веком девятнадцатым в ногу почти от начала и чуть-чуть не до конца.

После похорон тёщи Авдей совсем осиротел. Сима была той ниточкой, которая связывала его памятью с Авдотьюшкой, с тем миром, в котором он жил, любил и был счастлив. Он вдруг потерялся в многочисленной семье. Как-то так уж получилось, что после смерти Авдотьи Авдей не привязался ни к кому отдельно, никто не стал поверенным его душевного и духовного мира. Катенька, доченька его и Авдотьюшки?..

Авдей был привязан к дочери, но знал, что рано или поздно и она со съёт своё гнездышко и тоже покинет его. Он знал это и готовил себя

к неизбежному исподволь, не разрешал себе родительского эгоизма, от которого так часто страдают любимые чада наши, радовался, что Катюша нашла своего принца.

Теперь, после смерти Симы, Авдей совсем отошёл от дел, да и в церковь если и ходил, то один, ему хотелось поговорить с Богом наедине, часто ночами приходила к нему Авдотья, и он рассказывал ей про сыновей и внуков. Пережил свою тещу Серафиму Кузьминичну Авдей Ильич Гордеев не намного и ушёл в мир иной на заре двадцатого века.

В церковь со словами: «Совсем милосердие забыли! Нищим подавать перестали!» – теперь со своими сыновьями ходил старший сын Авдотьи и Авдея Тимофей Авдеевич Гордеев. Иногда к ним присоединялся Мирон. Тимофей и Наталья всё так же мирно и слаженно жили. Наталья обожала мужа, её страсть с годами не утихла, она стала изобретательнее и нежнее в своих любовных «домогаательствах».

Катенька с годами только больше хорошела. И в зрелые годы была гибкой и грациозной. Зато Георгий набрал вес животом, на макушке засветилась плешина. Но Катенька не замечала перемен во внешности своего принца. Расположенность к излишнему весу в фамилии Шмаковых редкостью не назовёшь. Пример тому и Наталья Еремеевна Гордеева, в девичестве Шмакова. Ну да, как шутники говорят: «Хорошего человека должно быть много». Лишь бы в семье была Любовь.

Мирон с Ульянкой также жили в мире и согласии. Бездетность не стала между супругами камнем преткновения, и слава Богу. Они жили миром своих племянников и племянниц. Летом уезжали в Песчаное, помогали, чем могли Марье, вернувшейся с каторги с детьми.

Итак, последнее десятилетие века девятнадцатого прошумело над семьями Гордеевых и Шмаковых, сильно поубавив их ряды. На девяностом году жизни оставила свои земные заботы Серафима Кузьминична Ирюпина. Двумя годами позднее, в 1896 году, покинул своих близких Авдей Ильич Гордеев. Последний год к нему часто во сне являлась Авдотьюшка, а однажды она позвала его за собой, и он с радостью пошёл за ней. Блаженная улыбка застыла на лице Авдея. Его похоронили рядом с женщиной, единственной для него во всём белом свете.

А через год после смерти тестя ушёл в мир иной Катюшин принц Георгий Филимонович Шмаков. Его вызвали к внезапно заболевшему, который был в горячке. Георгий поранил палец при оказании помощи больному. Через несколько часов, вернувшись домой, он почувствовал лёгкое недомогание: его то знобило, то бросало в жар, то холодный пот выступал на лбу. Георгий не придавал большого значения своему

состоянию, думал, что слегка простыл, добираясь домой на извозчике. На дворе стояли рождественские морозы.

Катя сделала всё необходимое: чай с малиной, укутала мужа в тёплый пуховый платок, но к утру Георгию стало совсем плохо. Пришлось вызывать врача. Его положили в отдельной палате. История болезни, которую Георгий вёл сам и не очень регулярно, ничего не дала. Вызвали светило медицины из Москвы. Тот тоже ничего понять не смог.

Наконец в закутках рабочего стола мужа Катя обнаружила старые записи, в которых значилось, что во время холерной эпидемии в Астрахани врач Георгий Филимонович Шмаков чудом остался в живых. Это могло значить только то, что после кризиса организм Георгия Шмакова мог утратить иммунитет к некоторым видам болезней. К такому выводу пришёл консилиум, созванный московским специалистом. Так или не так, но Георгий Филимонович Шмаков предстал перед судом Господним на пятьдесят шестом году своей жизни, оставив Катюшу вдовой.

Екатерине Авдеевне не было ещё и тридцати семи лет. Старшему сыну Георгия и Екатерины Илье исполнилось девятнадцать; второму сыну, Матвею, только шестнадцать. Илья уже год как учился в Петербургском университете. Его увлекала география. Почему был выбран Петербург? Одна из сестёр Георгия Елена осела в Вологде, скорее на её окраине. Она жила с мужем и детьми в своём доме. Младший сын Елены Филимоновны Пётр закончил военную академию в Петербурге и служил в инженерных войсках в Кронштадте. Одна из дочерей вышла замуж и жила в самом Петербурге. Шмаковы отправили сына в большой город в надежде, что их мальчик будет под опекой родственников.

Матвейка Шмаков тоже посматривал в сторону Петербурга с воодушевлением. Он неплохо рисовал и мечтал о художественном училище и о северной столице России. На какое-то время смерть Георгия выбила Катюшу из колеи, но сильный характер взял верх над унынием. Ей надо было поднимать мальчиков, заботиться о их образовании и дальнейшей жизни.

Материальная сторона вопроса её не волновала. Шмаковы жили небогато, но не только от того, что медицинская практика Георгия давала хорошие доходы. Основным доходом семьи было Катино приданое. Авдей Ильич при разделе семейного капитала выделил и дочери её законную долю, которую Катюша из общего дела не забрала, и братья платили ей проценты от прибыли с её капитала.

Она никогда не козыряла своей доходной статьёй в семейном бюджете, но крупные семейные расходы приходились в основном на долю от купеческой прибыли Гордеевых. Тем временем Тимофей и Мирон Гордеевы приобрели за бесценок маленький кузнечный заводик, или попросту кузнечные мастерские, оборудовали, расширили, со временем освоили литейное дело. Военные заказы на Урале – дело частое и прибыльное. Начали с обычных подков и гвоздей, скобяная лавка родителей к железу Гордеевых приучила. Когда пристроили литейку, стали выполнять немудрёные, но нужные государству заказы.

И тут сестру свою Катерину не обидели. Вот и учить детей ей пришлось из расчёта на тятенькино приданое и разворотливость братьев. После смерти Георгия Катюша с Митей переселились в старый ирюпинский дом, в котором к тому времени жили только Мирон с Ульяной. Бывшее своё гнездо вместе с врачебным кабинетом она сдала начинающему врачу с последующим выкупом.

Ей тяжело стало жить в стенах, которые помнили безмятежную, спокойную жизнь Катюши и Георгия. Любила ли она своего принца? Наверное. Во всяком случае Катя никогда не сомневалась в этом. Георгий, старше своей Катеньки на восемнадцать лет, по сути был одним из её сыновей. В минуты радости, а больше в минуты огорчений он приходил к ней, и она принимала в свою жилетку, а главное сердцем его радости и печали. Он успокаивался рядом с ней, иногда засыпал на тахте, убаюканный голосом и покоем её души.

Но и ей было спокойно с ним, с её Гошенькой. Она понимала, что нужна ему, и это чувство собственной необходимости давало ей уверенность в том, что так распорядилась судьба и что она исполняет её предназначение. В фатализме есть свой философский смысл.

Тимофей с Натальей тоже уже определили всех своих детей. Старшая дочь Евдокия вышла замуж и жила в Екатеринбурге. Они с мужем выкупили у наследников старый дом Петра Ирюпина, в котором так и не прижились ни дети, ни внуки Петра Матвеевича. Дом отделали заново, и он зажил новой жизнью, сбросив одиночество и уныние со своих старых стен.

Другая дочь Гордеевых, Степанида, жила с мужем в Кургане. Сыновья, Кирилл и Фрол, трудились вместе с папенькой Тимофеем Авдеевичем на общем семейном поприще, которое теперь не было только купеческим. Старший уже был женат, а младший, которому к началу нового века исполнилось только двадцать три года, с женитьбой не спешил.

Это так, для общего ознакомления и порядка. Итак, Катюша поселилась в старом доме Ирюпиных, летом уезжала в Песчаное и жила там

на вольном воздухе. Тимофей с Мироном дом в деревне расширили, скорее построили новый, а в старый дом, оказавшийся теперь на задворках просторного нового, пустили семью пришлых с запада людей, которые и содержали в порядке всё гордеевское и шмаковское хозяйство.

Хозяйство было невелико и необузно. Силантий и Аграфена, потеряв в голодный год всех своих близких, ушли из засушливого Поволжья, перешагнули через Уральский хребет и основались в Песчаном. Они были в том возрасте, когда не начнёшь всё сначала, но и до старости ещё не близко. Супруги чем-то походили на Ивана и Марью, что жили у Ирюпиных в Шадринске.

Летом для приехавших из города хозяев доили коровку и поили их парным молоком. На небольшом огороде работала и приезжавшая из города молодёжь. Ещё матушка Серафима Кузьмовна любила приготавливать: «Не велики господа! От земли грех отрываться!». Огородик кормил свежими овощами, что прямо с грядки, а лес давал ягоды и грибы. Деревенское приволье нравилось всем, от мала до велика, в семьях Гордеевых и Шмаковых, а ещё чуть раньше и Ирюпиных.

Лето 1899 года, предпоследнее лето уходящего века, выдалось тёплым и урожайным. Неуютно и грустно было на душе у Кати. Почему её беспокоило то, что уходил не просто очередной год, уходило столетие. Ещё не родившийся век вот-вот должен был заступить на смену времени, в котором, казалось Катюше, она оставляла так много. В той жизни, она почему-то именно жизнь делила вековой гранью, останутся её любимые, а она пойдёт дальше. Ей казалось, что пока она не перешагнула этот роковой порог, все, кто любил её и кого любила она, ещё остаются с ней, а там – там будет совсем по-другому. Там она совсем останется одна, потому что ей не взять с собой **никого**.

Что такое память? Она готова была плакать от взявшей её в плен печали. Катя надела домотканую юбку, простую ситцевую кофточку, лёгкие башмаки и пошла к Замятиным, всё равно в лес идти мимо них. Может, кто из младшего поколения составит ей компанию? Желающих оказалось предостаточно, и она в окружении подростков зашагала в берёзовый лес. Катя не боялась одна ходить по лесу, но гурьбой веселее, да и грусть, она надеялась, оставит её быстрее.

На опушке в негустой траве выставляла напоказ свою красоту костяника. Эту невысокую травинку с ярко-красными и кисло-сладкими плодами называли костянкой или костяной за крупные для мелкой ягоды косточки. Чуть в лесочке переспевшая вишня, терпкая и горьковатая, но от этого ничуть не менее желанная, манила тёмными, пунцовыми плодами. Не отпускало душу слёзное состояние. Она наткнулась

на дружное семейство обабок, срезала ядрёный молодняк, небольшое лукошко почти доверху наполнилось коричневыми толстыми шляпками.

На выходе из светлого березняка, на полянке обступили Катю не приметные на вид голубые с жёлтой сердцевинкой незабудки. Почему незабудки? Что в них такого, в этих полевых травинках с голубым соцветием? Катя опустилась на колени, выбрала из травы самые крупные, смешала с веточками вишни и костяники, поднесла к лицу.

Нежнейший аромат, исходящий от букета, наполнил душу покоем. Только в такой миг и можно понять тоску русского человека, что никогда не сможет забыть, куда бы ни забросила его судьба, этот маленький полевой цветок с таким ёмким названием – незабудка. Разве можно забыть наивный и чистый взгляд ребёнка? Разве можно забыть голубые глаза Родины?

Катя оторвалась от общей компании и неспешно брела в сторону села. Ещё на подходе к дому увидела, что Силантий закрывает ворота, а Аграфена суетится в коровнике. Значит, кто-то приехал из города. Она и радовалась встрече со своими родственниками и огорчалась одновременно. Покой леса и встреча с незабудками хоть и улучшили настроение, но печаль не проходила, слёзы были совсем близко, и любой пустяк мог пролить их.

Во дворе степенной походкой, слегка раскачивая пышными формами, ходила Наталья. Катя любила свою невестку, обрадовалась, что приехала именно она. Да и Наталья отвечала золовке взаимностью. Не сразу заметила Катюша молодого мужчину, что сидел на ступеньке высокого крыльца. Пока они с Натальей обнимались и по-бабьи ахали, он рассматривал барыню-крестьянку с явным интересом.

Наконец Наталья повернулась к вставшему с крыльца мужчине-юноше и представила его самым официальным образом: «Катюша, это племянник твоего мужа Краюхин Пётр Никитич. Прошу любить и жаловать, – улыбнулась, голос зажурчал тихо и ласково: – Катенька, он поживёт тут в деревне, ему предписана жизнь на вольном воздухе. Про свои геройства Петруша сам тебе со временем расскажет. Чем тут ещё заниматься? А я деревенскую баню Аграфене заказала. Господи! – она потянулась, закатила глазки: – Как люблю я настоящую баню! Ты, Петенька, в большом-то городе знаешь ли, что такое настоящая русская баня с берёзовым веником!?».

Наташа была разговорчива больше меры, Катя почти не помнила и не знала её такой. А Наталья спрашивала: «Квас-то в яме холодненький с клюквой мочёной у вас тут есть? – протянула руку к кузовку с обабками: – Ах какая прелесть! Петруша, а костянку прямо с веточки

ты ел когда-нибудь, а вишенки лесные? А знаешь ли ты, как незабудочки пахнут?». Наташа была в ударе и резвилась от души.

Петруша улыбался, он не успевал вставить слово. Катя обняла невестку, тихо прожурчала в ушко: «Натали, ты прямо Тимошу сегодня перещеголяла. Что с тобой, Натальюшка?». Гость успел заговорить: «Я ведь в большом городе не так давно живу. У нас в Вологде тоже приволье, и русской баней меня не удивишь, и грибами-ягодами наши леса богаты. Матушка выпроводила меня в те места, где когда-то её молодость проходила, и с родственниками, которых я не видел, захотелось познакомиться. Уж больно маменька о Зауралье тоскует. Видно, и впрямь малая родина – не пустой звук».

Молодой человек был широкоплеч, поджар и слегка угловат. Наталья опять заговорила: «Вот ведь не одной крови он с Тимошей, а так похожи они, правда, Катюша? Ну погляди! Ладно, пойду помогу Аграфене с баней справиться, а вы тут обабки пожарьте да насчёт самовара побеспокойтесь. После бани я и в одиночку не один самовар выдую!». Она весело зашагала вглубь двора. Её дородное тело, как ни странно, двигалось легко и грациозно.

Катюша улыбалась, она почти не узнавала Наталью Еремеевну, всегда такую уравновешенную и медлительную. Наталья не любила ходить в баню первой, говорила, что её голова не переносит сильного жара, да и угарно ещё в бане. Но тут они с Катей пошли первыми. Наталья негромко сказала золовке: «Петруше нельзя в первый жар, у него с лёгкими не всё хорошо. Я ведь и привезла его сюда из-за этого. Тут воздух-то, как Серафима Кузьмовна говаривала, хоть на кусок намазывай и ешь! – на Катин немой вопрос о Петиных лёгких, добавила: – Сам расскажет, какая-то авария у них там в крепости стряслась, а он в пекло самоё полез, вот и опалило нутро-то малость. Ну да это уже в прошлом, поберечься ему надо, а так – видеда, каков молодец!».

С Петей Наталья послала Силантия: «Ты уж, Силушка, молодца попарь, да не шибко, на всякий случай пригляди за ним, чтобы плохо ему не стало». Она говорила это Силантию один на один, чтобы не смутить гостя. Пока женщины отдыхали и обсыхали после бани, собирали на стол, из бани, покрасневшийся и свежий вернулся петербургский гость. В чистой рубахе Тимофея, что всегда хранились в деревенской избе, он выглядел совсем юным, только поперечная складка на лбу говорила о том, что прожитые годы не всегда были лёгкими.

Пётру Никитичу Краюхину не так давно исполнился тридцать один год, получалось, что он был моложе Катюши на семь лет. В этом возрасте такая разница в годах незаметна. Катенька была в самом расцвете женской красоты. Вот и в простом домашнем платье она была так

хороша, что невозможно было равнодушно смотреть на это великолепное создание природы.

В августе на Урале ночи тёплые. Наталья предложила Петруше устроить постель на сеновале. Говорила со смехом: «Я бы и сама на сеновал завалилась, да меня лестница не выдержит, сломается! Не понимаю, почему Катерина не спит на сеновале? Мышей, что ли, боишься? Так кота заведи, он мышей-то разгонит!». Она опять озорничала.

Спать легли рано. Сумерки ещё не загустели, не превратились в темноту. После банной истомы тело просило отдыха, да и дорога на рессорных дрожках по российским просёлкам утомила горожан. Но спать не хотелось. Наталья опять впала в состояние безмятежного веселья, мечтала вслух: «Катюша, не тоскливо без мужика под боком жить? Скольким ты отказала!? Посмотри на себя со стороны: и богатая, и красивая, и ума не занимать... А вот живёшь ты не по правилам. Господь создал человека не только разумным, но ещё и с живыми чувствами, и запираешь их наглухо в себе – грех великий. Потом, когда станешь старой и ворчливой, не обидно будет за годы, прожитые в одиночестве? Вот я, если Тимошу хоть одну ночь не почувствую рядом, даже если он устал и ему не до любовных утех, но я его обнимаю, прижимаюсь к нему, знаю, что он мой, – уже счастлива тем. Мне страшно думать, что его вдруг не будет».

Катюша молча слушала излияния невестки, а та продолжала: «Конечно, я понимаю, что Георгий был твоим принцем, может, придуманным, но всё же. Я уважаю твоё чувство к нему, но хоронить себя заживо, отречься от плотских радостей в твои-то годы?... Ты знаешь, Катерина, я вот думаю: вы жили очень слаженно и спокойно с Георгием, наверное, это хорошо, но, прости меня, если что не так, а познала ли ты настоящую, страстную любовь, когда свет из глаз уходит, когда не понимаешь, где ты – в раю или аду? Когда и мужик, что рядом с тобой, оторваться от тебя не может, и до утра блаженная улыбка так и не сходит с его лица, и что только от воспоминания об этих минутах так и хочется снова повторить безумие ночи. Господи, прости мне мои речи, но это ты сотворил меня такой, и другой я быть не хочу».

Наталья разволновалась, красноречие, посетившее её сегодня, не отпускало душу, а может, ей хотелось излиться перед золовкой, которую считала не только родственницей, но и умной подругой, которая поймёт её и не осудит, не вынесет её разговор на обсуждение. Катя всё ещё молча слушала Наталью, а та слегка успокоившись, продолжала: «Ты заметила, как Петенька на тебя глядел? Я ведь нарочно привезла его сюда. Как представила вас рядом, так и зашло сердце. Коль случится что про меж вас, ты себя не кори в том. Может, он тебя к жизни

вернёт, может, с ним ты себя снова женщиной почувствуешь, да такой, какой и не знала вовсе. У него в личной жизни там что-то не сложилось. Матушка его, Елена Филимоновна, писала, что пока он в Питере учился, его любовь замуж выдали за какого-то фабриканта, вот он с тех пор и не найдёт себе пару по душе. Ты бы смогла заставить его забыть обо всём, – Наталья на миг остановилась, словно вдумывалась в сказанное: – Нет, ты не подумай, что я хочу обидеть тебя, приставить к племяннику, как утешение для него. Я о тебе в первую очередь подумала. С таким забыться – не грех, а радость и удовольствие, даже если и серьёзного из вашей встречи не выйдет, так хоть бабой себя рядом с ним почувствуешь! А если до серьёзного дойдёт – я первая на твою сторону встану».

Наталья говорила протяжно, томился голос от видений, которые услужливое воображение рисовало ей во всех подробностях. Она была уверена, что сделала доброе дело и что эти двое непременно воспользуются подарком судьбы и не упустят своего счастья. Наталья томительно вздыхала, пока сон не сморил её окончательно.

Катя почему-то плакала. Слезы обильно смочили подушку, она не пыталась их унять, хотя и не понимала причины своего состояния. Конечно, она могла бы возмутиться словам и поступку невестки, что так откровенно призналась ей о цели своего визита, могла бы оставить деревенскую обитель и демонстративно вернуться в город. Но она почему-то не сделала этого. На следующий день Наталья собралась домой, она не могла долго жить без Тимоши, да и, как она считала, её присутствие здесь было бы лишним.

Прощаясь с Катей, не добавила больше ничего к сказанному ночью, только прижала золотку к своей пышной груди, сказала чуть озорно: «Катенька, не обижай тут Петрушу, он хороший!». Её тихий грудной смех прозвучал под стук колёс, и она, махнув рукой, укатила к Тимоше, оставив в Песчаном надежду, что эти двое не отвергнут друг друга.

Пётр Никитич Краюхин

Надо ли подробно распространяться о новом герое? Но кое-что о нём знать стоит. Маменька Петруши, родная сестра Георгия Филимоновича Шмакова, вышла замуж за военного, и молодость её прошла в воинских гарнизонах. Елена Филимоновна родила Никите Ивановичу Краюхину четверых детей, одним из которых и был Петенька. Выйдя в отставку в чине майора, Краюхин с семейством осел на окраине Вологды в доме своих родителей, которые к тому времени ещё были живы.

Почему Пётр выбрал профессию военного – кто знает? Может, с детства, с молоком матери впитал в себя дух гарнизонов, может, ещё почему, но закончив гимназию запросился в Петербург в военную академию, которая выпускала ещё и военных инженеров-оружейников.

Да, имело место в жизни Петра событие, озвученное Натальей. Была у него невеста, которую выдали за фабриканта. Девушка была хороша собой, и её родители не упустили момента: разве отпрыск майора в отставке чета богатому фабриканту? Сказать, что Петя не переживал и не страдал, было бы нечестно. Он пытался даже встретиться со своим соперником, писал невесте пламенные письма с планами побега, да мало ли чего не придумает удалая голова в молодые годы, когда кажется, что и жить без любимой нет смысла.

Но время шло. Оно делает человека мудрее, лечит даже самые страшные сердечные раны, если человек этот, конечно, успел остановиться вовремя и не наделал непоправимых ошибок и промахов. Петя пережил этот период своей жизни, хотя долго не мог понять, как он сумел избежать глупостей. А вот о семейной жизни думать не хотел, может, не встретил такую, что затмила бы его первую любовь.

Насчёт его слабых лёгких Наташа тоже была права. Полгода тому назад Пётр сумел предотвратить пожар в крепости, последствия от которого могли бы иметь непредсказуемый результат. Что там случилось точно – большой огласке не предали, но Пётр Никитич был отмечен приказом по министерству, награждён денежной премией за находчивость, мужество и грамотные действия, спасшие многие жизни.

При ликвидации аварии Пётр Краюхин и те, кто принимали в этом участие, надышались-таки вредными дымами. Лечебные кавказские воды и горный воздух, безусловно, дали необходимый эффект, но врачи рекомендовали пострадавшим континентальный сухой климат. Жаль было расставаться с Кронштадтом. Вакансий было несколько. Одна из них – военный оружейный завод в Зауралье. Елена Филимоновна уговорила сына поехать на её малую родину, воздух которой казался ей самым целебным.

Месячный отпуск перед новой службой Пётр Никитич Краюхин решил провести в Шадринске у Гордеевых по настоянию всё той же маменьки, а Наталья привезла его в село Песчаное на Катину попечение не без озорной мысли свести этих двоих воедино. Правда, Катюша к словам невестки не отнеслась серьёзно, сказав самой себе: «Куда тебе, Екатерина Авдеевна, в любовную круговерть пускаться. Петруша ещё совсем юноша, а у тебя уже взрослые сыновья. Вот-вот и бабушкой станешь, – она усмехнулась своим размышлениям и продолжила, об-

рашаясь мыслями к золовке: – А Наташеньке помечтать не запретишь, пусть себе пофантазирует».

Слёзное настроение прошло, и Катюша с удовольствием копошилась в огороде, помогала Аграфене по хозяйству, предоставив гостя самому себе. Правда, утром, когда пили чай с домашним подовым хлебом и свежим, только вчера сбитым маслом, Катюша показала Петру на озеро, уронила скупые слова: «Купаться ещё можно, вода тёплая, а главное, песок горячий и воздух из бора целебный. А ещё и солёное озеро есть – любой покажет».

Пётр молча выслушал Катюшины слова, а ближе к обеду нашёл её в огороде и предложил сходить в лес: «Удивите меня уральской природой. Может, наша, вологодская, и впрямь отличается от здешней? Недаром матушка забыть Урал не может». Он добродушно улыбался, и Катя не смогла ему отказать. Сборы были недолги. Катюша опять надела свой крестьянский наряд, да и Петру одежда Тимофея, в которой тот щеголял, приезжая в деревню, и впрямь была впору. Штаны в мелкую полоску из плотной хлопчатой ткани, просторная рубаха, подобранная узким пояском, в одночасье сделали Петрушу простым деревенским парнем. Даже штиблеты оказались как раз по ноге.

В прохладу леса вошли изрядно разогретые августовским почти полуденным солнцем. Лесной воздух дрожал от переполнявших его ароматов. Толстый слой листвы, не успевшей истлеть за многие годы, пружинил под ногами, издавая своеобразный запах тлена, который смешивался с запахами живых трав и цветов, вызывая целую гамму ощущений. Встреча праха с буйством живых ароматов вызывала в душе странное чувство грусти по ушедшему, но и умиляла тем, что, даже превратившись в тлен, питает собой живущее сегодня. И так будет всегда, до окончания света.

Переспевшая вишня, частично собранная руками человеческими, частично опавшая на землю, редкими веточками маячила в зарослях вишняка. Но вот они наткнулись на небольшую полянку никем не тронутой лесной клубники, опустились на колени в мягкую траву и засветились радостью глаза, словно нашли неведомый клад. Ягода, сомлевшая под солнцем, таяла во рту, сладкий душистый сок не охлаждал, хотелось пить.

Катя вывела гостя к небольшой впадинке, и они услышали журчание родничка. Место знали многие, устраивали себе отдых на упавшей от времени берёзе. Студёная вода обожгла разопревшие лица. Такую воду сразу пить нельзя. Разгорячённое, пересохшее нутро могло воспалиться. Путники сели на старую берёзу, слегка остыли и только потом мелкими глотками из ладошки стали пробовать родниковую влагу.

Что может быть вкуснее воды, просочившейся сквозь толщи родной земли!

Они уже возвращались домой, когда наткнулись на целую деревню грибов. Коричневые головки торчали из травы. Грибные семьи располагались так близко друг от друга, что попробуй пойми, чей отпрыск выглядывал из-под кустика, словно заманивал грибников пойти за ним.

Грибов набралось так много, что Кате пришлось снять платок с головы. Она была довольна: такое обилие вместе встречается нечасто. Вышли на опушку. Солнце не так ярилось, оно клонилось к западу. На полянке нашли костянку, нарвали ветками и полной горстью отправляли ягоды в рот. Катя нашла небольшой пенёк, а Пётр сел рядом с ней на траву.

Катюша решила перебрать грибной улов: не тащить же домой полу-сгнившие ножки и шляпки. Она улыбалась, приговаривая: «И посушим, и намаринуем. Будет, что зимой к столу подать». Роскошные тёмные волосы, освободившись от платка, растеряв шпильки, спадали на лоб и покрасневшиеся щёчки, на белой шее пульсировала голубая жилка, губки, впитавшие в себя соки ягод, были подстать спелым вишенкам.

Занятая работой, Катя не заметила, какими глазами смотрел на неё молодой мужчина. А мужчина любовался естественной красотой женщины, её природной грацией. Его с первой встречи беспокоила эта женщина. Пётр понимал, что она старше его, более того – она вдова его родного дяди. Всё это должно было стать преградой между ними, но что-то не давало ему покоя.

Он ловил себя на мысли, что ему хочется большего, чем простое общение, ему хотелось взять её работающие ловкие руки, испачканные ягодным соком и землёй, прижаться к ним лицом, положить голову на её колени и вдыхать тот тончайший аромат, что исходил от её тела. Не в силах остановить себя, Пётр потянулся руками к сидевшей на пенёке женщине, пересохшие вдруг губы прошептали: «Катюша, вы даже не понимаете, как хороши».

Катя выпрямилась, наконец увидела горящие глаза молодого мужчины, его глуповатую улыбку и вдруг строго остановила поток его слов: «Так, Петенька, я для вас, дорогой юноша, только тётушка, а вы мой племянник, и ничего не значит, что мы с вами не кровные родственники. Я старше вас, у меня взрослые дети, и никаких амуров между нами быть не может». Она выговорила это почти автоматически, почти слово в слово, что сказала сама себе ещё утром.

Видимо, слова эти крутились в её головке, как заезженная пластинка, и теперь, почти бездумно упали на голову юноши-мужчины. Катя лишь отметила, что слова про некровное родство не родились спонтанно, значит она всё-таки думала об этом, значит, она всё-таки оставляла для него и для себя лазейку. Ведь родство-то между ними **не кровное!**

Катюша собрала грибы, и они молча пошли в село. Аграфена ахнула: «Наверно, гость у нас удачлив! Столько грибов приволокли! Там у загнетки курица в жаровне с картошкой, не успела, поди, остыть, да молочко в кринке под полотенцем. Парное, только коровку подоила. Огурцов принести, или сами в огуречник сходите?»

Поблагодарив заботливую женщину кивком головы и улыбкой, Катя ушла в огород за зеленью. В грубеющей луковой зелени ещё можно было отыскать молодые пёрышки. Умылась, помыла огородные дары и стала собирать на стол. Её женскую суть тоже тревожило присутствие Петра.

Она уже понимала, что заставить себя не думать о нём ей не удастся. Ну почему? Прошло два года после смерти Георгия. Много было претендентов на её руку и сердце. Не все женихи бились только за её капитал. Были среди них и достойные. Может, не пришло тогда время? Может, это опять судьба, которую не обманешь? Фатализм снова зашевелился в душе Катюши.

Петя сходил на озеро, искупался, смыл с себя пот и теперь, свежий и слегка виноватый сидел за столом. Они молчали и ели курицу с картошкой, луком и огурцами. Катя встрепенулась, достала початую бутылку вина, налила в небольшие рюмочки, улыбнулась племяннику, предложила тост: «За грибы, за вкусную курицу из русской печи и за наше знакомство. Вчера не предложила. Наташа не любит вино после бани. Она говорит, что после бани от чая пьянеет, а от вина слабеет». Катя весело смотрела разноцветными глазами на Петра, а тот, приятно озадаченный переменой в «тётушке», держал в руке рюмку с вином и улыбался. Он и без вина пьянел от одного присутствия этой женщины.

Вино слегка сняло напряжение. Вечернюю тишину нарушали мычание коров, бляение овец, пересуды деревенских баб, окликавших друг друга через плетень: они делились новостями и заботами. Но скоро и эти звуки стали редкими. Катюша с Петром сидели на ступеньках высокого крыльца, отгоняя назойливых комаров веточками лесной вишни, ягоды с которых давно съели. В пригоне тяжело дышала жующая траву корова, на насесте квохтали обеспокоенные чем-то и ослепшие в сумерках курицы.

После вкусного ужина и рюмки вина вечерняя прохлада была особенно блаженна. Говорить не хотелось, скорее, они просто не знали, с чего начать. Предчувствие чего-то необычного, значимого и необратимого овладело душами обоих, но ни один из них не мог решиться на тот шаг из страха сделать что-то не так, что потом будет невозможно исправить.

Темнота густела, окутывала всё вокруг плотной завесой. Пётр встал, молча тронул Катюшу за руку и пошагал к сеновалу, а она безмолвно смотрела ему вслед: хотелось остановить его, но сдержала себя. Вскоре и она ушла в гнетущее тепло избы, в её настоявшиеся за много лет запахи еды и оконных цветов.

Не спалось, было душно в маленькой спальне, мысли бились слепыми мотыльками, натыкались на непроницаемую стену, она сидела на кровати, сжав виски руками. Остановила хаос в самой себе, заговорила вслух: «Что значит нельзя? Что нельзя?! Жить нельзя!? Нельзя позволить себе быть желанной?! Может, умереть и больше не чувствовать себя женщиной? – слава Богу, её никто не слышал. Она почти кричала: – Ну почему, Господи! Почему ты оставил меня женщиной? Почему не сделал истуканом бесчувственным?».

Катюша налила себе ещё вина и решительно шагнула за порог. Шаткие перекладыны приставной лестницы, что вела на сеновал, слабо прогибались под тяжестью упругого тела, не скрипели, затаив греховные помыслы взбирающейся наверх женщины. Зашуршало душистое сено под Катиными руками. Пётр не спал, его одолевали почти такие же мысли, как и Катюшу. Уловил чуткий слух лёгкие Катини шаги, забило от радости сердце. Он принял её в свои объятия. Она обмякла в его руках, вдруг почувствовала, что плачет.

Петя держал её в своих объятиях мгновение или вечность. Она горячо зашептала: «На мне грех, Петенька, я за всё отвечу». Он не дал ей договорить, его горячие губы целовали её глаза, мокрые и солёные от слёз щёки, но вот сошлись губы вместе, нашла Петина рука упругую Катину грудь, затомилась плоть в греховном желании. Оба были лишь в длинных ночных рубахах. Как сняли с себя ночную одежду – не помнили потом оба.

Утомлённые и радостные, распластались на толстой ряднине, кинутый на пахучее цветочное сено. Тёплая ночь середины августа зажгла яркие звёзды, что глядели на обнажённые молодые и прекрасные тела с безразличием вселенной. Какое им дело до каких-то смертных, которые прошли через муки сомнений и стыда, чтобы понять, как прекрасна жизнь, в которой есть такие минуты блаженства.

Нашли Петины губы Катину грудь, и новая волна желаний соединила их в радостном и непобедимом восторге единения. Они уснули на заре, когда Аграфена, шаркая чунями и позванивая подойником, пошла доить корову. Не слышали, как первые струи молока из полного коровьего вымени звонко ударили в дно подойника, не слышали, как хлопает пастух кнутом, собирая стадо по селу. Лишь Петины губы даже во сне нет-нет да прижимались к Катиным губам, и та обнимала его, ощущая всем телом его тревожащую наготу.

Катюша спускалась с сеновала, когда Аграфена, собрав яйца в курятнике, направлялась в хозяйский дом. Не смутилась Катя, лишь уткнулась счастливым лицом в плечо немолодой уже женщины, а та погладила её по спутавшимся волосам, промолвила: «Однава живём, девонька, вдругорядь молодыми не станем, лишь бы на радость, а не на горе и разлуку встретились». Аграфенушка нашла простые и ласковые слова. Душа Катюши успокоилась.

Месяц пролетел стремительно. В Песчаное никто не приехал из Шадринска. Видимо, Наталья Еремеевна чутко охраняла счастье Екатерины и Петра, никого не пустила в этот август в деревню. В конце августа озёрная вода только начинает остывать, и сельские приезжие бездельники торопятся ухватить остаток лета за хвост. Да и ночи стали прохладнее, пришлось с сеновала перекочевать в избу.

Спать на шуршащем пахучем сене под звёздами, мигающими в про свете сеновала, куда как приятнее душной избы с её настоявшимися, пусть и приятными запахами печёного хлеба и гераней. В первых числах сентября Катюша с Петей уехали в Шадринск. У Петра заканчивался отпуск, да и отношения с Катюшей ему хотелось узаконить. Он не принимал Катины доводы о возрасте, о её взрослых сыновьях.

Петя понял раз и навсегда, что никогда не встретит женщину лучше Кати, он только благодарил судьбу, что не развела их дороги, а пересекла, сплела их жизни воедино, содрогался от мысли, что Катюша могла ещё до их встречи выйти замуж, и он никогда не познал бы блаженства влюблённости в прекраснейшую из живущих на земле женщин. Недели две назад он написал родителям письмо и просил их благословения на брак с Екатериной Авдеевной Шмаковой. А теперь Катя и Пётр возвращались в Шадринск.

Они приехали в ирюпинский дом. Ульяна с Мироном, предупреждённые Натальей на всякий случай, встретили приехавших радостно. Вечером в доме Ирюпиных собрались все родственники, кто был в тот день в городе. Народу набралось предостаточно. Не было только Катиных мальчиков. Илья написал матери, что уезжает с географической экспедицией в экваториальную часть Атлантического океана, что

очень старался, чтобы его зачислили в команду, что готов исполнять любую работу, «лишь бы увидеть и познать неведомые страны, острова и континенты».

Примерно так, вычурно и высокопарно, писал Катюше сын, собравшийся вовсе не на увеселительную прогулку. Наверное, осознавал Илюшенька, что его ждут нелёгкие испытания, но что мог он понимать тогда, не испытавший на себе всех тягот и лишений трудных походов? Пожелаем ему семи футов под килем, и пусть его дорога не оборвётся слишком рано.

Матвейка в тот год сдавал экзамен в Петербургскую академию художеств. Он жил пока у сестры Петра Никитича Краюхина, который решился просить руки его маменьки Екатерины перед всеми родственниками, собравшимися седьмого сентября 1899 года в старом доме Ирюпиных и Гордеевых.

Застолье собрали в самой большой комнате старого дома. Пришли сыновья Тимофея и Натальи. Старший, Кирилл, недавно женился, и молодая жена ещё немного смущалась такому большому собранию родственников мужа. Она была в тягости на третьем месяце. Её фигура ещё не претерпела заметных изменений, но свекровь и муж не упускали Татьяну из виду.

Пётр тоже слегка смутился обилию родственников, но справившись с волнением, произнёс торжественную и краткую речь: «Я сожалею, что не могу попросить руки Екатерины Авдеевны у её родителей, но у неё есть старшие братья, а значит, и ближайшие родственники. Мои родители прислали телеграмму и надеются на моё благоразумие, – он взял Катюшу за руку, заглянул в её разноцветные глаза, голос заволновался, чуть осип: – Перед Богом и вашими родными прошу вас, Екатерина Авдеевна, стать моей супругой, а вас всех благословить наш союз. Обещаю: пока жив, буду оберегать и любить жену свою больше жизни, так как с первой нашей встречи не мыслю себя без Катеньки моей».

Последние слова Петра стали объяснением в любви при всех собравшихся. Тимофей порывался тут же произнести ответное слово, но Наталья больно наступила ему на ногу, глянула из-под бровей и, может, и не по штату, но слово взяла без спросу: «Так, дорогие мои, если кто помнит ещё, Петр Никитич Краюхин приходится родственником и нам, Шмаковым, – глаза Натальюшки лукаво блеснули из-под бровей: – Не спросить ли и нас, его родственников, согласны ли мы принять Екатерину Авдеевну в наше семейство?».

Наталья лукаво подмигнула, увидев растерянность на лице Петра: «Вот только не могу понять, никак Шмаковы с Гордеевыми разми-